

Содержание

СИРИУС	5
ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ	229
РАЗДЕЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК	385

СИРИУС

Я в долгу перед превосходным этюдом мистера Дж. Герриса Маккаллоха «Пес и его хозяин». Однако он не в ответе за мои фантазии.

Глава 1

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Мы с Плакси любили друг друга — не слишком спокойной любовью, потому что она всегда сдержанно говорила о своем прошлом и часто погружалась в угрюмую замкнутость. Все же мы часто бывали счастливы друг с другом, и я верил, что наше счастье имеет глубокие корни.

Затем наступила последняя болезнь ее матери, и Плакси пропала. Изредка мне приходили письма без обратного адреса, с предложением ответить «в распоряжение почтовой конторы» той или иной североуэльской деревушки. В письмах были таинственные намеки на «необычные обязанности», связанные, по ее словам, с работами отца. Я знал, что этот крупный физиолог проводил сенсационные опыты на мозге высших млекопитающих. Он получил невероятно умную овчарку, и поговаривали, что перед смертью занимался еще более амбициозными исследованиями. В одном из самых холодных писем Плакси писала о «неожиданно сладком вознаграждении» за ее новые обязанности, а в более страстных снова горько жаловалась на «эту волнующую, завораживающую, лишаящую человеческого облика жизнь». Порой она, казалось, мучительно пыталась что-то объяснить. Одно письмо было столь отчаянным, что я стал опасаться за ее рассудок. И решился посвятить предстоящий отпуск прогулкам по Северному Уэльсу в надежде разыскать ее.

Десять дней я бродил от паба к пабу в районе, откуда пришли ее письма, и расспрашивал, не известна ли в округе мисс Трелони. Наконец, в Ллан Фестиниог, я услышал о ней. Молодая дама с таким именем жила в пастушьей хижине на краю пустошей где-то над Траусвинитом. Хозяин лавки, сообщившей мне о ней, произнес с некоторой таинственностью:

— Право, странная молодая леди. У нее есть друзья, в том числе и я, но есть и враги.

Следуя его указаниям, я прошел несколько миль по извилистей Траусвинитской дороге и свернул с нее влево, на проселок. Еще через милю или две прямо на краю болот я увидел крошечную хижину из грубых сланцевых плит, окруженную садиком и кривыми деревцами. Дверь была закрыта, но над трубой поднимался дым. Я постучал. Дверь не открывали. Заглянув в окно, я увидел типичную деревенскую кухню, только на столе лежала стопка книг. Присев на ветхое кресло, вынесенное в огород, я отметил ровные грядки с капустой и горохом. Справа, за глубоким Синфальским ущельем открывался Фестиниог — стадом серых слонов бредущий за вожаком-церквушкой по отрогу холма к долине. Выше поднимался гребень Молуйн.

Я докуривал вторую сигарету, когда услышал вдали голос Плакси. Меня впервые привлек к ней именно голос. Сидя в кафе, я заслушался выразительным голосом незнакомки, разговаривавшей с кем-то у меня за спиной. И теперь я снова слышал, но не видел ее. Минуту я восторженно вслушивался в голос, напоминавший, как я не раз говорил, плеск мелких волн на берегу горного озера¹ в жаркий день.

Я поднялся было ей навстречу, но меня остановила одна странность. Плакси отвечал не человеческий голос, а совершенно иной звук, членораздельный, но не человеческий. Прежде чем показаться из-за угла, Плакси как раз произнес-

¹ В оригинале — слово, означающее конкретно каровое озеро.

ла: «Нет, милый, не переживай так из-за своей безрукости. Ты превосходно с ней справляешься». Далее последовала странная речь ее спутника, и в воротах показалась Плакси с большой собакой.

Девушка остановилась, удивленно (и, надеюсь, радостно) округлив глаза, но тут же нахмурила брови. Положив ладонь на голову собаки, она на мгновение застыла. Я успел заметить перемены в ней. Одета в грязноватые брезентовые брюки и голубую рубашу. Те же серые глаза, тот же щедрый, но волевой очерк губ, который, как мне недавно казалось, не отвечал ее характеру, и та же копна каштановых с морковным отливом волос. Но бледность сменилась темным загаром, а косметики на лице не было вовсе. Не было даже помады. Здоровому до грубости цвету лица противоречили тени под глазами и запавшие углы рта. Странно, как многое успевает заметить за пару секунд тот, кто любит!

Сняв ладонь с собачьего затылка, Плакси протянула мне руку и улыбнулась.

— Ну-ну, раз уж ты нас вынюхал, придется тебе довериться.

В ее голосе сквозила нотка смущения, смешанная с облегчением.

— Верно, Сириус? — обратилась она к псу.

Тогда я впервые обратил внимание на это замечательное существо. Его нельзя было назвать обычной собакой. В нем преобладала эльзасская¹ кровь, возможно, с примесью крупного дога или мастифа. Огромное животное волчьего сложения, но стройнее волка. Короткая шерсть была чрезвычайно густой и шелковистой, особенно на шее, где лежала плотными волнами. Но ее шелковый блеск намекал на неподатливую жесткость. «Шелковая проволока», — сказала о ней однажды Плакси. На спине и на голове шерсть была чер-

¹ Принятое в Англии название породы «немецкая овчарка» возникло во время войны с Германией, как в России — «восточно-европейская». Я оставила без перевода.

ной, на лапах и на боках светлела до серовато-коричневой. Два больших коричневых пятна виднелись и над глазами, придавая морде сходство с маской или с греческой статуей в сдвинутом назад шлеме с пустыми глазницами забрала над лицом. От любой другой собаки Сириус отличался огромным черепом. Собственно, с виду он был не так велик, чтобы под ним скрывался человеческий разум, поскольку, как я объясню позже, метод Трелони не только увеличивал объем мозга, но и совершенствовал нервные волокна. Тем не менее Сириус был явно слишком высоколобым для обычной собаки. Сочетание высокого лба с шелковистой шерстью внешне сближало его с бордер-колли. Позже я узнал, что эта великолепная порода овчарок в самом деле внесла свой вклад в его создание. Но череп был велик даже для бордер-колли. Он куполом возвышался чуть ли не до кончиков крупных ушей эльзасца. Мышцы шеи и плеч сильно развились, чтобы удерживать тяжесть этой головы. В момент нашей встречи ошестинивший загривок песа положительно походил на льва. Его серые глаза могли бы принадлежать волку, если бы не круглый собачий зрачок. В целом это был грозный зверь, худой и жилистый, как обитатель джунглей.

Не сводя с меня взгляда, он открыл пасть, показав хребет желтоватых зубов, и издал серию звуков с интонацией вопросительной фразы.

— Да, — ответила Плакси, — это Роберт. Он надежен как сталь, помни.

Укоризненно улыбнувшись мне, она добавила:

— И он может быть полезен.

Сириус вежливо вильнул пушистым хвостом, но не отвел от моих глаз холодного взгляда.

После неловкой паузы Плакси снова заговорила:

— Мы весь день провели с овцами на пустоши. Пропустили обед, так что я чертовски проголодалась. Идем, я сделаю всем чай. — По пути к маленькой кухне с каменным

полом она добавила: — Сириус понимает каждое слово. Ты не сразу научишься его понимать, но я буду переводить.

Пока Плакси сновала в кладовку и обратно, накрывая на стол, Сириус, сидя напротив, изучал меня с явным беспокойством. Заметив это, Плакси проговорила с некоторой резкостью, под которой скрывалась нежность:

— Сириус! Я же сказала, он не подведет. Не будь таким подозрительным.

Пес поднялся, проговорил что-то на своем странном наречии и вышел в сад.

— Пошел за дровами, — пояснила Плакси и, понизив голос, добавила. — Ох, Роберт, я от тебя пряталась, но как же рада, что ты нас нашел!

Я встал, чтобы обнять ее, но Плакси настойчиво шепнула:

— Нет, не теперь.

Вернулся Сириус с поленом в зубах. Покосившись на нас и понятиливо опустив хвост, он положил полено в огонь и снова вышел.

— Почему не теперь? — воскликнул я, и она прошептала:

— Из-за Сириуса. О, ты скоро поймешь... — Помолчав, добавила: — Роберт, не жди, что я буду принадлежать тебе целиком — всей душой. Я слишком привязана... к этому произведению отца.

В знак протеста я обнял ее.

— Славный, человечный Роберт, — вздохнула Плакси, опуская голову мне на плечо и тут же спохватившись, отстранилась. — Нет, это не я сказала. Это говорит самка человеческого животного. А я говорю: не могу отдаться игре, в которую ты меня приглашаешь, — целиком не могу!

И она крикнула в открытую дверь.

— Сириус, чай!

Он в ответ гавкнул и вошел в дом, старательно избегая моего взгляда.

Плакси поставила для него миску с чаем на расстеленную на полу скатерку, пояснив:

— Обычно он ест дважды в день, в полдень и вечером. Но сегодня будет иначе. — Она добавила к чаю краюху хлеба, ломоть сыра и немного варенья на блюдечке.

— С голоду не умрешь? — спросила она и получила в ответ одобрительное ворчание.

Мы с Плакси сели за стол, чтобы съесть свой хлеб с пайковым маслом и кексом военного времени. Она начала рассказ о Сириусе. Я временами вставлял вопросы, а иногда Сириус перебивал ее ворчанием или скулежом.

Содержание этого и многих других разговоров я изложу в следующих главах, пока же ограничусь вот чем: не будь передо мной Сириуса, я бы не поверил рассказу, но его ремарки, хоть и невнятные, интонациями выражали человеческий интеллект и провоцировали Плакси на осмысленные ответы. Я начал понимать, почему наша любовь всегда была беспокойной и почему Плакси не вернулась ко мне после смерти матери. Я начал составлять про себя план ее освобождения от этой «нечеловеческой обузы». Однако по ходу беседы я все лучше понимал, что эта странная связь девушки и собаки была по сути прекрасна, можно сказать, свята (про себя я выбрал именно это слово). Тем сложнее оказывалась стоявшая передо мной проблема.

Когда Плакси заговорила о том, как часто тосковала по мне, Сириус произнес более длинную речь. И, не прерывая ее, подошел, положил передние лапы ей на колени и с великой нежностью и деликатностью поцеловал в щеку. Плакси сдержанно приняла ласку, но не отпрянула, как обычно отшатываются от собачьего поцелуя. Только здоровый румянец на ее лице стал ярче, да глаза блестели влагой, когда она потрепала его по мохнатому загривку и, глядя на него, сказала мне:

— Имей в виду, Роберт: Сириус с Плакси срослись, как большой и указательный палец на одной руке, он любит ме-

ня, как умеют любить только собаки, тем более теперь, когда я вернулась к нему, но я не обязана с ним оставаться, потому что Сириус уже может сам о себе позаботиться. Что бы с ним не случилось, он... как ты сказал, Сириус, глупыш мой? — Он прорычал короткую фразу и она продолжала: — Да, он всегда будет следовать по моему следу в поисках бога.

Она улыбнулась мне. Этой улыбке мне не забыть. Не забыть и смятения от серьезной, почти торжественной клятвы пса. Впоследствии мне довелось узнать, что выпренность речь бывала свойственна ему в минуты сильного чувства.

Затем Сириус добавил что-то, хитро скосив глаза и задрожав хвостом. Плакси рассмеялась и ласково шлепнула его.

— Зверь, — сказала она, — этого я Роберту не скажу.

Поцелуй Сириуса вызвал во мне внезапный приступ ревности (человек ревновал к собаке!). Однако его слова в переводе Плакси взывали к более благородным чувствам. Я принялся обдумывать, как нам с Плакси обеспечить для Сириуса надежный дом и помочь ему выполнить свое предназначение, каково бы оно ни было. Впрочем, как вы увидите, судьба готовила нам иное.

За этим странным ужином Плакси рассказала, что, как я уже догадался, Сириус был венцом трудов ее отца, что вырос он как член семьи Трелони, а теперь помогал в уходе за фермерскими овцами, она же вела для него дом и тоже помогала на ферме в работах, требовавших человеческой руки.

После чая я помогал мыть посуду, а Сириус терся рядом, завидуя, как я подозреваю, наличию у меня рук. Закончив уборку, Плакси сказала, что ей надо на ферму, чтобы до темноты закончить работу. Я решил вернуться в Фестиниог, забрать багаж и вечерним поездом уехать в Траусвинит, где можно было переночевать в пабе. Объявив о своем намерении, я заметил, как Сириус опустил хвост. Он поджал его еще сильнее, услышав, что я намерен провести в этих местах неделю в надежде чаще видеть Плакси. Та же сказала:

— Днем я буду занята, но по вечерам здесь.

Прощаясь, она вручила мне подборку документов для чтения на досуге. Там были научные записи ее отца, в том числе дневник роста и обучения Сириуса. Этот дневник, а также ее собственный, и короткие отрывочные заметки самого Сириуса, полученные мной много позже, легли в основу моей повести — наряду со множеством долгих разговоров с Плакси — и с Сириусом, когда я научился понимать его речь.

Я намерен свободно дополнять воображением те события, которые в источниках очерчены лишь наброском. В конце концов, я не только гражданский чиновник (пока до меня не добрались военно-воздушные силы), но и романист, и убежден, что воображение вместе с самокритикой зачастую позволяют проникнуть в дух событий полнее, нежели поверхностные факты. Так что я изложу поразительную историю Сириуса по-своему.

Глава 2

СОЗДАНИЕ СИРИУСА

Отец Плакси, Томас Трелони, был слишком крупным ученым, чтобы вовсе избежать известности, но его работы по развитию коры мозга млекопитающих, начатые, когда он был всего лишь блестящим студентом, велись в строгой секретности. Он питал преувеличенную, мрачную ненависть к свету прожекторов. Оправдывал он эту манию опасением, как бы его разработки не попали в руки алчных шарлатанов. Поэтому на протяжении многих лет его труды были известны только самым близким из коллег в Кембридже и еще — его жене, которая принимала в них участие.

Я видел его отчеты и читал записи, но, сам не имея научной подготовки, не смогу пересказать их профессионально. Он вводил в кровь матери определенный гормон, влиявший на рост мозга зародыша. По-видимому, гормон обладал двояким действием. Он увеличивал объем церебральной коры, а также утончал нервные волокна сравнительно с нормальными, так что в том же объеме их становилось больше, и сильно увеличивалось число нервных соединений. Насколько я понимаю, сходные опыты проделывал американец Заменгоф, но между их методами имелись важные различия. Заменгоф просто кормил гормонами молодую особь. Трелони, как я говорил, вводил гормон в плод через кровоток матери. Это само по себе было важным достижением,

поскольку кровеносные системы матери и плода надежно изолированы друг от друга посредством фильтрующей мембраны. Трелони, помимо прочего, столкнулся с той проблемой, что гормон стимулировал и рост мозга матери, обладавшей сформировавшимся взрослым черепом, что неизбежно приводило к тяжелой гиперемии и смерти, пока не нашлось средства изолировать ее мозг от стимулятора. Трелони в конце концов справился с этим затруднением и получил возможность выращивать плод в здоровом теле матери. После рождения детеныша Трелони периодически добавлял гормон в его пищу, постепенно урезая дозу по мере того, как мозг приближался к максимально допустимому, с его точки зрения, размеру. Кроме того, ученый изобрел средство замедлить сращивание костей черепа, так что голова продолжала рост соответственно росту мозга.

Немало крыс и мышей были принесены в жертву совершенствованию этой техники. Наконец Трелони научился выводить этих удивительных существ во множестве. Его большеголовые крысы, мыши, морские свинки и кролики, правда, как правило, нездоровые и скоро умиравшие от той или иной болезни, были несомненными гениями своих скромных рас. Они с поразительной быстротой находили путь в лабиринте и тому подобное. Фактически они намного превосходили результаты интеллектуальных тестов своих сородичей и в умственном отношении приближались скорее к собакам и высшим приматам, нежели к грызунам.

Но для Трелони это было только началом. Совершенствуя методику, он получал все более здоровых животных и в то же время стремился замедлить темп их взросления и продлить срок жизни. Это было важным условием. Большому мозгу необходим большой срок для достижения более высокого потенциала, для накопления и усвоения опыта. Только достигнув существенного прогресса в обоих отношениях, Трелони перешел к опытам на высших животных. Эта задача была сложнее и не обещала скорых результатов.

Через несколько лет экспериментатор получил умную, но хилую кошку и талантливую мартышку, не дожившую до зрелости, а также собаку, у которой непомерно разросшийся мозг вытеснил слепые глаза к кончику носа. Создание так страдало, что создатель вынужден был уничтожить его во младенчестве.

Еще несколько лет позволили Трелони отработать методу настолько, что он мог переместить фокус внимания с физиологической стороны проблемы на психологическую. Отказавшись от первоначальных планов, он с этого времени больше работал не с обезьянами, а с собаками. Разумеется, успех с обезьянами обещал быть более зрелищным, ведь они от природы вооружены лучше собак. У них больший мозг, хорошо развитое зрение и руки. Однако с точки зрения Трелони одно преимущество собак искупало все недостатки. Им в нашем обществе дарована гораздо большая свобода передвижения. Трелони признавался, что предпочел бы работать с кошками, поскольку те умственнее более независимы, но его смущал их малый рост. Независимо от размеров животного, необходим был некий абсолютный размер мозга, обеспечивающий многообразие нервных связей. Конечно, маленькому животному не нужен такой большой мозг, как большому. Большое тело нуждается в соответствующем мозге, обеспечивающем его работу. Мозг льва всегда больше кошачьего. Мозг слона превосходит величиной мозг более интеллектуального, но малорослого человека.

С другой стороны, каждый уровень интеллекта, независимо от размеров животного, требует определенного усложнения нервной организации и, соответственно, абсолютного объема мозга. Сравнительно с размерами тела мозг человека гораздо больше слоновьего. Некоторые животные достаточно крупны, чтобы вместить мозг, обеспечивающий своим объемом человеческий уровень умственного развития, но не все. Это вполне возможно для крупной собаки, тело же кошки

сильно страдает от подобного искажения. Для мыши это просто невозможно.

Трелони, правда, не ожидал на этой стадии опытов получить животное, умственно близкое к человеку. Он ставил себе целью всего лишь, по его словам, «предчеловеческий интеллект, разум недостающего звена» Для этой цели как нельзя лучше подходили собаки. Человеческое общество предлагает собакам множество занятий, требующих интеллекта высшего дочеловеческого уровня. Наиболее подходящим из таких занятий Трелони счел ремесло овчарки. Озвученной его целью было вывести «сверховчарку».

Еще одно соображение склонило его к выбору собаки, и тот факт, что он принимал его во внимание уже на ранних стадиях работы, намекает, что ученый уже тогда лелеял замысел добиться большего, чем разум «недостающего звена» Он полагал темперамент собаки в целом более подходящим для развития до человеческого уровня. Если кошки отличались независимостью, то собаки — социальностью, а Трелони считал, что только социальные животные способны полностью использовать свой интеллект. Кошачья независимость не является, по сути, самостоятельностью общественного существа, утверждающего свою индивидуальность, а лишь слепым индивидуализмом прирожденного одиночки. С другой стороны, ученый признавал за собаками некоторую сервильность в отношении к человеку. Впрочем, он надеялся, что с развитием интеллекта разовьется и определенное самоуважение и критическое отношение к человеческому виду.

В свой срок Трелони получил выводок щенков с крупным мозгом. Большая часть их погибла в детстве, но двое выжили и стали чрезвычайно умными собаками. Трелони был скорее удовлетворен, нежели разочарован этим результатом. Он продолжал опыты и наконец получил от суки английской овчарки большеголовый приплод, из которого трое выжили и достигли определенно сверхсобачьего уровня развития.

Исследования затянулись на несколько лет. Трелони считал необходимым уделить больше внимания «сырью», на котором применял свою методику. Он уже не мог пренебречь тем фактом, что из всей собачьей расы наиболее способные — бордер-колли: порода, на протяжении нескольких веков отбиравшаяся по уму и ответственности. Все современные чемпионы принадлежат к этой породе, и все они — потомки одного умнейшего животного, родившегося в Нортумберленде в 1893 году. Нынешние бордер-колли выносливы, но не слишком крупны, поэтому Трелони считал за лучшее скрестить выдающегося чемпиона соревнований овчарок с другим животным, тоже умным, но более крепкого сложения. Тут сам собой напрашивался эльзасец. После долгих уговоров владельца овчарки-чемпиона и восторженного согласия хозяина эльзасца Трелони устроил несколько вязок, давших в результате щенков двух типов. Затем он применил усовершенствованную методику к беременным сукам обоих типов сложения и в должный срок одарил нескольких друзей щенками, «сравнимыми по уму с предком человека». Но выглядели эти собаки не лучшим образом и обладали хрупким здоровьем, так что все они не пережили периода затянувшегося детства.

И наконец, совершенствование методики привело Трелони к настоящему успеху. Он получил несколько очень умных животных нормального крепкого сложения, внешне больше похожих на эльзасцев.

Он убедил жену, Элизабет, что им в случае подобного успеха придется переселиться в овцеводческие районы Уэльса. Там ей предстояло жить с тремя детьми и в ожидании четвертого, сам же Трелони проводил бы с ними отпуск и выходные. После долгих поисков нашлась подходящая старая ферма не слишком далеко от Траусвинита. Называлась она «Гарт». Потребовалось немало усилий, чтобы превратить ее в удобный дом для целой семьи. Пришлось установить ватерклозеты и ванны, расширить окна и провести из де-